

КУЛЬТУРОСООБРАЗНЫЕ ПРАКТИКИ

УДК 008.001.14

С. А. Добрецова <https://orcid.org/0000-0003-0387-3192>

В. М. Куимова <https://orcid.org/0000-0003-4047-1176>

В. А. Тирахова <https://orcid.org/0000-0003-3621-2294>

Исследовательская парадигма советского бытия: социокультурные и философские аспекты

Выполнено по гранту РФ 20-68-46013

Для цитирования: Добрецова С. А., Куимова В. М., Тирахова В. А. Исследовательская парадигма советского бытия: социокультурные и философские аспекты // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5 (116). С. 225-233. DOI 10.20323/1813-145X-2020-5-116-225-233

В статье раскрываются новые аспекты изучения трансформаций советской культуры, ставшие предметом семинара-дискуссии на тему «Советское бытие в преддверии формирования тоталитарной и авторитарной рамок» (май 2020 г.), проведенного по гранту Российского научного фонда № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность». Анализ материалов семинара, основанных на откликах исследователей из разных городов России и студентов, приглашенных к дискуссии, обнаружил, что советское бытие определяется сегодня как сложный и неоднородный интегративный феномен, изучение которого является востребованным и значимым в современном философском и культурологическом научном поле. Материалы семинара показали, что актуальной исследовательской тенденцией в научном сообществе является изучение советской культуры в аспекте мифологизации, восприятие советских реалий как своего рода мифов, а советского быта – как комплекса определенных мифологем. В русле заявленной в ходе семинара культурной традиции обозначены персонажи советской мифологической системы (прежде всего, герои, враги, правители), логично сопоставленные с реальными историческими персонажами. Отмечены основные тенденции создания советской мифологической системы, основанной на традиционных культурных концептах, трансформированных в соответствии с идеологическими установками. Таким образом, участники семинара прямо формулируют и имплицитно предполагают многообразные связи между досоветским и советским бытием, проявляющиеся в философской мысли и в художественном творчестве. В данном контексте также были обозначены следующие ракурсы проблемы советского бытия: истоки советского бытия и его формирование, хронотоп советского бытия, взаимоотношения власти и человека. Отдельным аспектом изучения советского бытия стала проблема бытования творческой личности. На данной проблеме сконцентрировались не только участники семинара, но и студенты, приглашенные к дискуссии.

Ключевые слова: советская культура, культурный код, генезис советского бытия, советское бытие, культурный герой, творческая личность, мифологизация, власть.

CULTURE CONFORMABLE PRACTICES

S. A. Dobretsova, V. M. Kuimova, V. A. Tirakhova

Research paradigm of soviet existence: social-cultural and philosophical aspects

The article considers new aspects in researching the soviet culture transformations. It has been become a point at issue of a seminar-debate on the topic «Soviet existence on the threshold of conformation of totalitarian and authoritarian frameworks» (May, 2020). It was organized on the grant project of Russian Science Foundation № 20-68-46013 «Philosophic-anthropological analysis of soviet existence. Suppositions, dynamics, influence over modernity». The analysis of seminar-debate items, feedback of outstanding researches and students, invited to debate, spots that soviet existence is defined as being a difficult unhomogeneous integrative phenomenon. Its research is

important and significant in contemporary and exploratory scope. The content of seminar shows that an essential researching tendency becomes a consideration of the soviet culture in the aspect of mythologization. The soviet reality is noticeable as myths and the soviet way of life is noticeable as mythologemas. In the direction of the declared cultural tradition, mythological figures (primal forefathers, heroes, enemies, rulers) of the soviet culture are indicated and defined. They correspond to realistic historical persons. It is noted the main tendencies of the soviet mythological system creation, founded on traditional cultural concepts, transformed in tune with ideological principles. Consequently, the participants of seminar enunciate straight and suppose implicitly varied contacts between pre-soviet and soviet existence, apparent in a philosophical thought and in an artwork. In this context it is noted next dimensions of the soviet existence problem: beginnings of the soviet existence and its organization, chronotopos of the soviet existence, chemistry between a person and power. An individual aspect in researching the soviet existence becomes the problem of creative person's presence. This aspect was interesting not only for the participants of the seminar but students invited to debate.

Keywords: soviet culture, cultural pattern, genesis of soviet existence, soviet existence, cultural heroes, creative personality, mythologization, power.

Культурно-историческая и философско-антропологическая рефлексия советского бытия (полагаем, это два наиболее распространенных варианта рефлексии), как и сама советская культура, полна парадоксов и неоднородна. В последние десятилетия в научных и публицистических трудах и, что примечательно, в произведениях российской массовой культуры сформировался такой тренд, как ретро-мотивы: нашли отражение события как предреволюционной и революционной эпохи, так и различные периоды советской культуры. Отражение в художественных произведениях и медиапродукции находят артефакты советской эпохи: это касается и различных массовых мероприятий (скульптура «Рабочий и колхозница» и аллюзия на физкультурпарады на открытии Олимпиады в Сочи в 2014 г. [Злотникова, 2014, с. 269-274]), и весьма чутко реагирующей на социокультурные изменения и выполняющей функции культурной памяти. Так, нами были выявлено несколько десятков музеев, в определенной степени посвящающих свою работу советской культуре (быту, личностям, истории) и расположенных на территории России, начиная от Москвы, Владимира, Твери и заканчивая Челябинском, Тюменью.

Советская культура в масскультовском ее воплощении была изучена и осмыслена коллективом Ярославского педагогического университета за время работы по гранту Российского научного фонда «Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс». Но, как известно, преемственность – это залог успешной деятельности научной школы, поэтому новые аспекты изучения трансформаций советской культуры стали предметом осуждения в ходе проведенного по гранту Российского научного фонда № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность» семинара-дискуссии на тему «Советское

бытие в преддверии формирования тоталитарной и авторитарной рамок» (май 2020 г.). Проведенный в дистанционном режиме в силу сложной эпидемиологической ситуации в мир, семинар можно считать знаменательным научным событием не только в связи с популярностью изучения советской культуры, но и в связи с широкой географией и высоким научным статусом представленных участников (Москва, Санкт-Петербург, Ярославль, Вологда, Симферополь, Мурманск, Самара, Екатеринбург, Саратов).

О программе семинара и тезисах участников гранта сказано в другой статье (ее авторами являются доктор наук Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина, А. В. Еремин), которая публикуется одновременно с данной статьей. Мы же остановимся на откликах, полученных от приглашенных к участию в семинаре коллег (далее – «участники семинара»).

Проанализировав эти отклики, мы констатировали, прежде всего, популярность советской культуры как исследовательского модуса, что представляется логичным и объяснимым.

Вводные материалы к семинару показали, что актуальной исследовательской тенденцией в научном сообществе стало восприятие советских реалий как своего рода мифов, а советского быта – как определенных мифологем [Ермолин, 1996]. Эту тенденцию выделила также и участник семинара Е. Ю. Терещенко (Мурманск), отмечая: процесс мифотворчества в советскую эпоху только нарастает с течением времени, что подтверждает советское искусство со своими мифологическими сюжетами и образами.

В русле заявленной культурной традиции в ходе семинара были обозначены широкоизвестные, но нетривиально интерпретированные персонажи так называемой советской мифологической си-

стемы, логично сопоставленные с реальными историческими персонажами.

Первыми, кого мы отмечаем, являются условно нами определенные как своего рода первопродки персонажи, повлиявшие на становление и генезис советского бытия как культурного кода. Участники семинара обозначили персонажей-создателей, демиургов, выполняющих функцию отдыхающего бога, сходных с индийским Буддой. Так, Н. А. Дидковская отмечает В. И. Ленина, наделяя его безусловными качествами демиурга, создателя, великого модерниста советской эпохи: «Модернизм в той яростной аскезе, на которую Ленин шел ради убеждений: презрение к быту, семейным ценностям, общественной морали, презрение к инертности среды, которая не хочет реформироваться».

Весьма существенной компонентой представлений о советской мифосистеме становятся персонажи, неосознанно, как для себя, так и для публики, повлиявшие на становление советской культуры. Например, к категории первопродков, а в некоторых случаях и демиургов можно отнести русских авангардистов, которые, по мнению Л. А. Закса (Екатеринбург), очень много создали в послеоктябрьские годы в области художественного образования, музейной системы, научных исследований искусства, для дизайна и его внедрения: «В русском авангарде главным, стержнем была идеология новаторского культуротворчества. Авангардисты поэтому с энтузиазмом восприняли революцию и ее культурную программу («культурная революция»), первые практические усилия (Наркомпрос Луначарского); они достаточно легко отказались от своего дореволюционного социального поведения и, наоборот, стали активной социально-практической силой демократизирующей и модернизирующей жизнь направленности» [Закс, 2019, с. 34-43].

Созвучно мысли о том, что некоторые представители традиционной русской культуры невольно оказались своего рода предтечами советского генезиса, суждение Е. Ю. Терещенко (Мурманск) о представителях Серебряного века, концепции и практики которых оказались особенно востребованы в первые годы становления советской власти: «Советская эпоха, сменившая “серебряный век”, не могла в одночасье избавиться от его опыта и идей». Например, как указывает Т. И. Ерохина, понимание женственности в русском символизме приводит к отказу от бинарной оппозиции феминное/маскулинное в советской культуре, моделированию нового типа советской

женщины, в котором грани женственности практически нивелируются [Ерохина, 2015, с. 216].

Однако, помимо перечисленных персонажей, культуротворческую функцию выполняли также представители/герои советской культуры, отличающиеся особым масштабом личности и явившие действия сродни подвигу.

Участники семинара – К. Г. Антонян (Санкт-Петербург), Л. А. Якушева (Вологда) – отметили наиболее значимых, по их мнению, персонажей с культурной функцией героя: Александра Матросова, Олега Кошевого, принесших жертву во имя социума, что привело к гибели; Максима Исаева (Штирлица), имя которого стало кодом прочтения советской эпохи, прошедшим несколько стадий восприятия: «...те, кто пережил войну, воспринимали его как обобщенный образ воина-победителя; поколение “детей войны”, ... , сочло, его героем, о котором мечтается, но которого не может быть в реальности; третья волна массового сознания, начавшаяся в конце 80-х, сделала Штирлица кодом прочтения советской эпохи и ее особенностей как сложившегося типа культуры».

Особого внимания заслуживают культурные герои советской эпохи, совершившие подвиг профессионального мастерства (Алексей Стаханов, «...чье имя стало нарицательным, а трудовой подвиг лег в основу «стахановского движения» [Антонян, 2016, с. 21-25]) и нравственного самоотречения (Павлик Морозов, превращенный в образец для всех советских пионеров, образ которого был по преимуществу запечатлен в литературе, а также в фольклоре, популярной культуре). Это персонажи «созидательного» типа.

Как и любая дуалистически сформированная мифосистема, советская нуждалась в своем образе антагониста, врага, борьба с которым была бы объединяющим народ фактором, что и отмечается в комментариях О. В. Шиндиной (Саратов). Функцию врагов народа, по мысли этого участника семинара, выполняли повстанческие отряды и банды, диверсионные группы, проникновение которых на территорию страны советов актуализирует тему зонирования «своей – чужой» культуры», имеющую мифопоэтический потенциал.

Отношения творческой личности и политически ангажированной советской культуры на примере конкретных судеб и жизненных коллизий также были с живым интересом восприняты и отмечены участниками семинара. А. Ю. Кугушева (Симферополь) комментирует судьбы своих земляков, выдающихся киммерийцев, художника К. Богаевского и поэта-художника М. Волошина,

подчеркивая, что судьбы обоих отличались противоречивостью. Не разделявший идеи революции и воспринявший ее как «как проявление стихийной народной силы, не проникая в ее социальную суть» К. Богаевский, с одной стороны активно участвовал в сельскохозяйственных и промышленных выставках, был принят в Союз художников, а с другой – обвинялся в формализме и безыдейности.

В судьбе М. Волошина также подчеркнута парадоксальность: в 1927 г. он проводит персональную выставку в Москве и Ленинграде. И в этом же 1927 г. был наложен официальный запрет на публикацию его статей и поэтических произведений, который, как отмечает А. Ю. Кугушева, был частично снят только в 1968 г.

Пример противоречивой судьбы творческой личности в контексте советской культуры также отмечает профессор Е. Я. Бурлина (Самара), называя в этом качестве Д. Д. Шостаковича. Композитор сочетал пропагандистские мотивы в творчестве (по меркам профессиональной элиты, такова была «Седьмая симфония») с осуждением власти, в котором его поддерживал единомышленник другого поколения, работавший в другом виде искусства, Ч. Айтматов: «...прямо рядом, – посвященные очень близким друзьям “Шесть романсов”, проклинающие власть и насилие» [Бурлина, 2019, с. 166-172].

Весьма значимым становится комментарий к материалам семинара, представленный Л. А. Заксом (Екатеринбург), выявляющим амбивалентность мироотношения М. Горького как писателя и «буревестника революции», идеи которого или не были услышаны вообще, или услышаны искаженно, а потому превратно «приватизированны» большевиками. Вопреки известной традиции понимания Горького как реалиста или романтика, профессор Закс определяет Горького как художника-модерниста, особенно в его великолепной драматургии времен первой русской революции. Писатель с сочувствием и горечью констатировал не только духовный упадок и кризис русской интеллигенции, но и ее работу в качестве прогрессивной и необходимой России для ее мирного развития силы модернизации [Закс, 2018, с. 310-321].

Помимо выдающихся творческих личностей, работавших в художественной сфере, участники семинара, например, Н. А. Касавина (Москва), упомянули и Н. Бердяева, универсально мыслящего философа, признавшего правду социализма – его неотвратимость и определяющее значение в отношении будущего, но возлагавшего ответ-

ственность за трагедию революции на интеллигенцию, которая так и не смогла ее осознать.

Существенной деталью семинара-дискуссии становится аспект, выделенный Л. А. Якушевой (Вологда). Отдельной строкой она называет творческих личностей, сохранивших в советской культуре не только лицо, но и нравственное здоровье: Ю. Любимов, А. Эфрос, и те, кто был между этими противоположными позициями театрального маятника – «Современник», БДТ, театр М. Захарова, а потом и театр Л. Додина и П. Фоменко. Исследователь указывает: «Все они были одержимы творчеством, использовали «эзопов язык», уходили в классику и театральные новации. Также все они, так ли иначе, развивали ноу-хау русского театра – режиссерский театр, театр-дом. В настоящее время такую модель театра легче найти в провинции (Коляда-театр, например)» [Якушева, 2017, с. 179-184].

Помимо героев, обнаруженных в советском пространстве, и специфики реализации творческих личностей, важным ракурсом, определяющим советскую эпоху и заинтересовавшим участников семинара-дискуссии, следует выделить такой аспект, как генезис советского бытия. Феномен советского бытия, как прямо или косвенно обозначают это участники семинара, обусловлен совокупностью социально-культурных и философско-антропологических предпосылок и факторов. Как отмечает уже упомянутый нами исследователь Е. Ю. Терещенко (Мурманск), вопрос об истоках бытия, его генезисе, эволюции и трансформации актуален при рассмотрении с нескольких ракурсов. Во-первых, это ракурс творческой личности, которая является «движущей силой» культуры вне зависимости от исторического контекста. Во-вторых, создание новой советской мифосистемы, в которой необходим свой герой – уже упомянутые герой революционного движения, «дедушка» В. Ленин, герой рабочего движения А. Стаханов. Важный аспект, затронутый названным автором, – осмысление гендерного фактора культуротворчества. Истоки разрушения гендерных стереотипов обнаруживаются в пограничный период – в русской культуре конца XIX – начала XX в.

Применительно к вопросу о генезисе осознание русского бытия как истока бытия советского подчеркивает В. Н. Липский (Москва). Своеобразие существования отмечено двумя мощными влияниями, возникшими еще в XVIII в. Одно из них связано с доминантой западной культуры, другое – со славянофильскими, почвенническими

и прочими течениями, представители которых противопоставляли себя Европе. Вера в просветительские идеалы воплотилась в лице Пушкина, Лермонтова и творцов Серебряного века. Одновременно с этим коллега отмечает дихотомию и идеализм Достоевского и его героев, «ностальгирующих по ушедшей европейской культуре и презирающих пришедшую ей на смену буржуазно-мещанскую европейскую цивилизацию»; отметим особо, что у автора данных суждений, как это было у другого автора, упомянутого выше, вновь возникает фигура Н. Бердяева, который осознал кризис творчества и кризис культуры на Западе.

«Мечтатель-Достоевский надеялся, что цивилизационная “переходность” в Европе в конце концов сменится благостным периодом культуры, в рамках которого восторжествуют подлинно христианские ценности. Однако “переходное” время затянулось, а угрожающие человеку и культуре процессы распространились не только по территории Европы, но захватили и Россию, в которой революционеры попытались вовсе упразднить православные ценности», – отмечает В. Н. Липский [Липский, 2018, с. 156-161].

Помимо указанной дихотомии, исследователь высказывает суждение о том, что важным фактором в формировании русского бытия на границе с бытием советским являются «неоднозначные» отношения народа и власти, помноженные в лице ее лидеров конца XIX – начала XX в. – на сломе эпох – на марксистские идеальные представления о всеобщем равенстве и справедливости. Данный контекст, объективно и субъективно сформировавшийся, привел к существованию советской цивилизации. Средой же распространения идей, по замечанию С. В. Герасимова (Санкт-Петербург), могла выступать культура, в частности и особенно литература (о чем немало сказано у участников гранта в сходных материалах семинара), но она была ограничена средой исключительно грамотного населения.

Таким образом, участники семинара прямо формулируют и имплицитно предполагают многообразные связи между досоветским и советским бытием, что проявляется в философской мысли и в художественном творчестве.

На наличие и значение преемственных связей досоветской и советской культуры обращает внимание и А. В. Святославский, который утверждает, что традиционная культура, основанная на инерции прошлого и константах национальной культуры России, – одна из парадигм, реализованных в советском обществе в 1920-1930-х гг. В

единой оптике с ней в жизни людей существовали насаждаемые властью сверху модернизационные установки, которые иногда должны были носить альтернативный характер по отношению к тому, что маркировалось как буржуазное, монархическое или религиозное.

«После победы революции 1917 г. в России, естественно, мысль о русских как авангарде революционеров всего мира укрепилась и стала частью идеологии. Но страх великорусского шовинизма в правительстве большевиков и у власти на местах после 1917 г. оставался, поэтому в дальнейшем вплоть до окончательного укрепления сталинского правления в новой идеологии существовал безоговорочный приоритет «советского» над «русским» в этнокультурном аспекте», – отмечает А. В. Святославский [Святославский, 2016, с. 150-180].

Характерная культурная парадигма 1920-30-х гг. была связана и с революционизацией общества, идеей свободы и избавления от традиционной морали как фактора, мешающего развитию общества.

По мнению ученого, новая культура обыденности не могла не меняться под воздействием социально-исторического процесса, к которому относятся развитие технологий, повышение роли науки, урбанизация. В суждениях участников семинара получила воплощение имплицитная взаимная корреляция представлений о новой жизни в ее трансцендентных и прагматических проявлениях. В частности, трансформация советских городов во многом совпала с эпохой стремительной индустриализации, а также с появлением новых архитектурных стилей, новых концептуальных образов города, в том числе и в виде фантастических-футурологических моделей, которые зачастую воспринимались как реализуемые. В качестве такого проекта З. Ю. Желнина (Мурманск) обозначает проект Нового социалистического Мурманска, который так и не был воплощен в жизнь. Он в 30-е гг. XX в. активно разрабатывался группой Левинсона, Соколова и Тквельмейера. Архитекторы утверждали, что квартиры – это буржуазный пережиток, городу необходимы дома-коммуны, где обитатели будут освобождены от бытовых забот. Несмотря на тот факт, что дом так и не был построен, в городе создавались спортивная инфраструктура и парки – общественные пространства. Для Мурманска данный процесс отражал еще одну реальность: город развивался за счет приезжих, поэтому культурная (локальная) идентичность формировалась не столько на осно-

ве родственной связи поколений, сколько на общественной и профессиональной основе. Это характерно для многих городов особого, советского ареала, Севера России, где большую часть жителей составляют переселенцы.

«Советский быт», а точнее культ «безбытности» на начальном этапе формирования новой повседневности, по словам И. В. Малыгиной (Москва), является репрезентативным маркером социокультурной динамики. Отказ от быта воспринимается как разрушение «рамки» патриархального бытия и установления новой рамки – коммунального быта и коммунального бытия, где ближний круг жизненного бытия личности, прежде локализованный в приватной бытовой сфере, размыкается, увлекая за собой базовые идентичности, также разомкнувшиеся до самоидентификации «советский» человек.

«Советский период отечественной истории также не способствовал формированию собственно российской национальной идентичности, поскольку у народов, населяющих Россию (в том числе, русского), на протяжении десятилетий доминировало осознание принадлежности к многонациональной общности «советский народ», в то время как самоидентификат «россиянин» был практически не востребован», – комментирует Малыгина проблему культурной идентичности [Малыгина, 2011, с. 43-48].

Применительно к советскому бытию участники семинара развивают тему гендера как фило-софско-антропологического маркера, обращая внимание на то, что, благодаря преодолению границ патриархального бытового уклада, происходят, в том числе, гендерные сдвиги в обществе. Помимо образа женщины-хранительницы очага, в культуре появляется образ женщины-героя, за которой не закреплены «традиционные» функции. Как отмечает Л. А. Якушева (Вологда), идеологема «отказ от быта» – выражение в формирующихся основаниях временного ожидания, временного существования, временного пребывания, что является важной категорией советского хронотопа – временностью. Сам Советский союз осознается как переходный этап от коммунизма к социализму.

Участники семинара откликаются на высказанное в программе положение о том, что феноменами советского бытия становятся коммуналки, общежития, города и поселки-спутники крупных промышленных центров как пространство для временного проживания. В качестве социокультурной практики внутри «советского» Л. Якушева

указывает «очередь»: во время советской власти она стала «устойчивым механизмом воздействия, структурирования индивидуального поведения», когда вся власть концентрировалась в прилавке, человек за ним осознавался как «распределитель благ» [Якушева, 2016, с. 277-280].

Изучая специфику советского бытия, невозможно обойти стороной роль и значение власти и идеологии, во многом определяющей практически все сферы существования советской культуры. О данном феномене так или иначе говорит каждый участник семинара-дискуссии независимо от рассматриваемого ракурса, поэтому в рамках данной статьи проблема влияния власти и идеологии на культуру/индивида имеет обобщающий характер. При этом нельзя не увидеть гипертрофированного внимания к особой природе и специфике феномена власти в советской культуре в аспекте ее взаимодействия с народом, индивидом и творческой личностью.

Е. В. Листвина (Саратов), говоря о взаимодействии народа и власти, отмечает, что русский человек существовал в отношении к власти одновременно на двух полюсах. На одном полюсе жизнь протекала без властного вмешательства, опираясь в основном на общинный этический эталон, так своеобразно воспринимаемый западной культурой. Присутствие власти в крайнем случае ощущалось согласно двум известным поговоркам: «вот приедет барин, барин нас рассудит» и «до Бога высоко, до царя далеко», изредка, подобно античному «*deus ex machina*», она наличествует в виде портретов, лозунгов, государственных символов, ставших частью повседневного бытия. На другом полюсе это отстраненное восприятие формировало образ всемогущего правителя, который, как царь-батюшка, приобретал былинно-сказочные черты радателя обо всех подданных. Постепенно эти черты становились присущи любому носителю власти. Достаточно вспомнить хрестоматийные образы «дедушки Ленина» или Сталина, «который не спит в Кремле», в стихотворении молодого Е. Евтушенко. При этом индивид находился в особых структурно нерасчлененных отношениях с властью, пронизывающих все сферы его бытия. И эта нерасчлененность придавала специфическую устойчивость и индивиду, и системе власти одновременно. Таким образом, образ власти в сознании советского народа представлялся мифологизированным образом всемогущего правителя, божества, незримо присутствовавшего в бытовой жизни человека. Несмотря на отсутствие этой параллели у участ-

ника семинара, мы можем отметить своего рода замыкающийся круг мыслей, в которых представитель/носитель власти становится культурным/мифологическим героем.

Природу мифологизации Е. В. Листвина (Саратов) связывает с одним из положительных аспектов усиления национально-культурной идентичности, в рамках которого ее характеристики используются в качестве инструмента сплочения, солидарности граждан, не только с опорой на рациональное, но и с апелляцией к архетипическому, когда ментальное, внеидеологическое возводится в ранг идеологической скрепы [Русский университет ... , 2016, с. 31] Иными словами, идеология сплочения и единства народа как социально-культурного единства, рассматривавшегося в качестве советского феномена, выстраивается на сочетании архетипического, ментального и рационального.

Подобный процесс описывает уже названный нами А. В. Святославский (Москва). Автор отмечает, что новые установки иногда были призваны фактически «переобезьянить» традиционную культуру уходящей России, заменив соборы партсъездами, прежние праздники новыми, поклонение мощам святых поклонением телу Ленина в мавзолее и т. д. То есть при заявляемом новаторстве советской культуры она продолжала базироваться на мифологизированных константах традиционной культуры, деформированных в рамках советской идеологии. Примером такой деформации может стать феномен социалистического реализма как ответ на необходимость создания «какой-то “новой старой” литературы, продолжающей традицию русской реалистической классики и при этом способной вдохновлять самые широкие читающие массы на созидательный труд, воспитывавшей его в духе новой идеологии и в то же время по форме своей потрафлявшей воспитанным на старой классике Ленину, Сталину, Крупской, Луначарскому, Горькому, взявшим под свой контроль литературный процесс в Советской России и позднее в СССР» [Святославский, 2015, с. 1-10].

Многие участники семинара отмечают, что в процессе развития и усиления мифологизации как одного из свойств тоталитаризма обостряется проблема влияния власти и идеологии на творчество. Так, Л. А. Закс (Екатеринбург), обозначает, что авангардистский опыт и дух свободы, новаторства, духовной сложности, всеобщей эстетизации действительности и т. п. оказался несовместим с победившей логикой тоталитаризма.

Н. А. Касавина (Москва), в свою очередь, ссылаясь на Н. Бердяева, подчеркивает, что тоталитарная система русского коммунизма уничтожила свободу творчества, создала культуру социального заказа, подчинив жизнь организованному извне механическому коллективу. При этом, по мнению В. Н. Липского (Москва), взаимоотношения власти и художника могут выстраиваться в рамках двух основных моделей: противостояния и сотрудничества [Липский, 2012, с. 89-98]. Примерами такого взаимодействия могут быть уже названные судьбы К. Ф. Богаевского, М. Горького, Д. Д. Шостаковича.

Важной особенностью проведенного научным коллективом семинара-дискуссии стало то, что, помимо докладов и реплик участников семинара – докторов и кандидатов наук – в поле нашего внимания попали студенческие работы, ставшие откликами на материалы семинара и посвященные изучению творческих личностей в советской культуре, зачастую в аспекте фактического взаимодействия власти и творца, влияния идеологии на творчество. Современных 20-летних интересует личное отношение И. Сталина к Г. Улановой; почитание Д. Шостаковича, гонения на него и мифологизация его образа в советской культуре; «антисоветское» происхождение С. Рихтера и его «тонкое политическое чутье»; обвинение в «антисоветчине» А. Вознесенского; общественная, педагогическая и исследовательская деятельность В. Кандинского и К. Малевича; государственные премии и почитание Л. Гайдая, К. Симонова и Г. Свиридова. Последний представляет для нас особый интерес, так как автор реплики отмечает, что во время перестройки композитор попадает в опалу, его творчество долгое время не воспринималось в отрыве от советской картины мира. Многие студенты обращались к судьбе личности во время Великой Отечественной войны как знакового события для советской культуры в целом.

Обозначенные студентами персоналии в большинстве своем являются знаковыми фигурами не только для советской, но и для западной культуры: В. Кандинский, К. Малевич, С. Рихтер, А. Вознесенский, А. Тарковский. Причем можно отметить тех, кто имеет мировое признание и по сей день, а их работы являются общекультурным наследием. В данном контексте наше внимание привлекли работы, в которых студенты отметили значение следующих творческих личностей для формирования образа СССР в мире: Д. Шостаковича и Г. Улановой. Более локальное значение имеют Л. Гайдай, Г. Свиридов,

К. Симонов, их творчество по своей проблематике и стилистике было обращено, в первую очередь, к отечественной публике.

Большинство частично задействованных магистрантов подчеркивают новаторство и стремление к обновлению искусства в творчестве выбранных персон, что также характерно для советской картины мира. При этом часто раскрывают и связь творчества обозначенной персоны с русской культурной традицией.

Нужно отметить, что студенты, говоря о связи творческой личности постсоветского периода с советской культурой, зачастую отмечают только советское детство или какие-либо биографические факты жизни личности в советское время, а не знаки советской культуры, присутствующие непосредственно в творчестве. Современные молодые люди ограничиваются цитатами выбранных личностей, раскрывающими их отношение к советской культуре (Б. Акунина, К. Хабенского, Л. Якубовича, О. Кулика). Есть реплики, раскрывающие попытку творческой личности изучить тот или иной феномен советской культуры, например, опубликованный Д. Быковым в 2012 г. сборник «Советская литература. Краткий курс».

Исключением являются работы, описывающие травмирующий «советский опыт» выбранной личности и его отражение в творчестве: влияние службы в армии на О. Кулика и связанная с этим его работа «Жизнесмерть, или Пышные похороны авангарда»; ужасы советской жизни А. Балабанова в период распада советской культуры, нашедшие отражение в его кинематографе. И как следствие формирование постсоветской парадигмы в творчестве, основанное на отказе от прежнего опыта и осуждении всего советского.

Магистранты первого курса кафедры культурологии ЯГПУ также приняли участие в семинаре-дискуссии. Они выделили основные понятия, относящиеся к заданной теме: советское бытие, советское мировоззрение, культурный код, социокультурные реалии, марксистская теория, повседневность, тоталитарные и авторитарные рамки, творческая личность, русская культура. Действительно, названные понятия в полной мере отражают концепты, затронутые в рамках семинара.

Студенты исторического факультета в ходе обсуждения обозначили проблему псевдорелигиозности марксистского учения. Она, став базисом для советской идеологии, сформировала культурную матрицу, которая определяла как восприятие власти, так и смыслы жизни человека. По мнению обучающихся, коммунисты воздвигли

новый тип «церкви», сохранив некоторые принципы христианского мировоззрения – ценность равенства, принцип коллективизма, ясность целеполагания и наличие «великой миссии» (под ней подразумевалось создание справедливого государства).

Таким образом, в ходе семинара-дискуссии приглашенными к обсуждению участниками в тезисах авторов, работающих по гранту РФФИ, были обозначены следующие ракурсы проблемы советского бытия: истоки советского бытия и его формирование, хронотоп советского бытия, взаимоотношения власти и человека, грани существования творческой личности, герои советского пространства. Именно их совокупность составляет научную проблему: советское бытие определяется нами как сложный и неоднородный интегративный феномен, изучение которого актуально и значимо в современном исследовательском поле. Эксплуатация образов в массовой культуре свидетельствует и о социальной значимости. Критический анализ совокупности реалий, формирующихся на рубеже эпох, а также в период 1910-1920-х гг., позволяет осознать советское бытие как концепцию, которая позволит по-новому взглянуть на существующие политические и социокультурные проблемы современной России.

Библиографический список

1. Антонян К. Г. Социокультурные проекты детства в советском опыте 1920-х годов // Вестник психфизиологии. 2016. № 2. С. 21-25.
2. Бурлина Е. Я. «Советский век» в частных пространствах и глобальном времени // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 4. С. 166-172.
3. Ермолин Е. А. Материализация призрака: Тоталитарный театр советских массовых акций 1920-1930-х годов : монография. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 1996. 141 с.
4. Ерохина Т. И. Грани женственности в русском символизме // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 210-217.
5. Злотникова Т. С. Олимпиада как текст массовой культуры / Т. С. Злотникова, В. А. Шапошников // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. С. 269-274.
6. Закс Л. А. Горький: две ипостаси модернизма // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 310-321.
7. Закс Л. А. Преодоление внутренней эмиграции в поэзии О. Мандельштама // Филологический класс. 2019. № 5. С. 34-43.
8. Липский В. Н. Западноевропейская цивилизация и культура в мировосприятии Ф. М. Достоевского // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 1. С. 156-161.

9. Липский В. Н. Художник и власть: модификации взаимоотношений // Философские науки. 2012. № 12. С. 89-98.

10. Малыгина И. В. Культурная идентичность в современной России: поиск новых моделей // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3. С. 43-48.

11. Русский универсум в условиях глобализации: сборник статей участников Р89 Всероссийской научно-практической конференции (26-28 октября 2016 г.) / науч. ред. Е. В. Валева, отв. ред. С. В. Напалков. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир», 2016. 461 с.

12. Святославский А. В. «Советский»: Реальность или симулякр? (о корреляции понятий «советский» / «русский» в аспекте культурной идентичности) // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 150-180.

13. Святославский А. В. Социалистический реализм: Проблемы веры и интерпретации // Культурологический журнал. 2015. № 2. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/329.html&j_id=23 (Дата обращения 12.06.2020).

14. Якушева Л. А. Человек в очереди: социокультурная модель и артефакт // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 4. С. 277-280.

15. Якушева Л. А. Философия коммунальной жизни: Н. Коляда, В. Дурненков // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 179-184.

Reference list

1. Antonjan K. G. Sociokul'turnye proekty detstva v sovetskom opyte 1920-h godov = Sociocultural projects of childhood in the Soviet experience of the 1920s // Vestnik psihofiziologii. 2016. № 2. S. 21-25.

2. Burlina E. Ja. «Sovetskij vek» v privatnyh prostranstvax i global'nom vremeni «Soviet Age» in private spaces and global time // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2019. № 4. S. 166-172.

3. Ermolin E. A. Materializacija prizraka: Totalitarnyj teatr sovetskih massovyh akcij 1920-1930-h godov = Materialization of the ghost: Totalitarian theater of Soviet mass actions of the 1920-1930s: monografija. Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 1996. 141 s.

4. Erohina T. I. Grani zhenstvennosti v russkom simvolizme = Facets of femininity in Russian symbolism // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2015. № 6. S. 210-217.

5. Zlotnikova T. S. Olimpiada kak tekst massovoj kul'tury = Olympiad as a text of mass culture /

T. S. Zlotnikova, V. A. Shaposhnikov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2014. № 4. S. 269-274.

6. Zaks L. A. Gor'kij: dve ipostasi modernizma = Gorky: two hypostases of modernism // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2018. № 5. S. 310-321.

7. Zaks L. A. Preodolenie vnutrennej jemigracii v poezii O. Mandel'shtama = Overcoming internal emigration in the poetry of O. Mandelstam // Filologicheskij klass. 2019. № 5. S. 34-43.

8. Lipskij V. N. Zapadnoevropejskaja civilizacija i kul'tura v mirovosprijatii F. M. Dostoevskogo = Western European civilization and culture in the worldview of F. M. Dostoevsky // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2018. № 1. S. 156-161.

9. Lipskij V. N. Hudozhnik i vlast': modifikacii vzaimootnoshenij = Artist and power: modifications of relationships // Filosofskie nauki. 2012. № 12. S. 89-98.

10. Malygina I. V. Kul'turnaja identichnost' v sovremennoj Rossii: poisk novyh modelej = Cultural identity in modern Russia: the search for new models // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2011. № 3. S. 43-48.

11. Russkij universum v uslovijah globalizacii = Russian University in the context of globalization: sbornik statej uchastnikov R89 Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (26-28 oktjabrja 2016 g.) / nauch. red. E. V. Valeeva, отв. red. S. V. Napalkov. Arzamas. Arzamasskij filial NNGU; Fond «Russkij mir», 2016. 461 s.

12. Svjatoslavskij A. V. «Sovetskij»: Real'nost' ili simuljacr? (o korrelyacii ponjatij «sovetskij» / «russkij» v aspekte kul'turnoj identichnosti) = «Soviet»: Reality or simulation? (on the correlation of the concepts of «Soviet» / «Russian» in the aspect of cultural identity) // Dialog so vremenem. 2016. № 54. S. 150-180.

13. Svjatoslavskij A. V. Socialisticheskij realizm: Problemy very i interpretacii = Socialist realism: Problems of faith and interpretation // Kul'turologicheskij zhurnal. 2015. № 2. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/329.html&j_id=23 (Data obrashhenija 12.06.2020).

14. Jakusheva L. A. Chelovek v ocheredi: sociokul'turnaja model' i artefakt = The person in line: sociocultural model and artifact // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2016. № 4. S. 277-280.

15. Jakusheva L. A. Filosofija kommunal'noj zhizni: N. Koljada, V. Durnenkov = Philosophy of communal life: N. Kolyada, V. Durnenkov // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. № 1. S. 179-184.